

Леонид Григорьевич Онушко

Один из первых кооператоров, создатель и председатель правления (1988–1998) одного из первых российских банков — «Континент» (Набережные Челны), в середине 90-х годов был единственным представителем коммерческого банка в национальном банковском совете.

Справится ли министр финансов с производством чебуреков

□ 20 июня 1988 года из Москвы на моё имя спецсвязью поступил пакет от Н. И. Рыжкова, председателя Совмина СССР. Толстый пакет формата А4. Бандероль по-всякому обштампованная выглядела важно. Расписываюсь в каком-то журнале, что я ознакомлен, вытаскиваю содержимое и читаю бумаги. Приглашение прибыть в Москву на заседание президиума Совета министров СССР 13 июля т. г. к 10:00. Далее материалы к заседанию, из которых узнаю, что будет обсуждаться вопрос о ходе исполнения Закона «О кооперации в СССР», принятого в мае.

10-го я уже был в Москве и обивал пороги всяких хитрых подъездов вокруг Старой площади в попытке быстро оформить пропуск в Кремль. Наконец наступило 13 мая, и к 10 утра я скромно через Спасские ворота, пешком, а не в членовозе, без суеты вошёл в Кремль со своим неизменным полиэтиленовым пакетом. Мне показали, куда идти, и вскоре я попал в Овальный зал, где проходили заседания президиума Совета министров СССР.

Бело-голубой зал с большим столом посередине оказался до отказа набит министрами и кооператорами. Министр финансов ТаССР оказался почему-то рядом со мною и опекал меня, как хороший футбольный защитник.

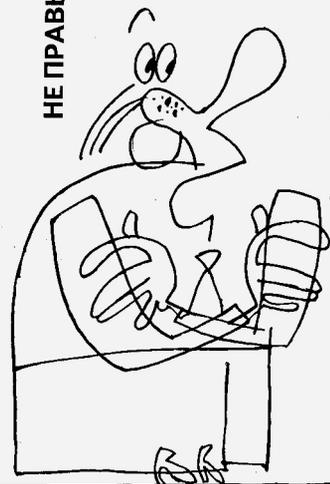
Кооператоров оказалось человек 30. Николай Рыжков, открывая заседание, сказал, что, для того чтобы

Но к компромиссу по потолку дохода на душу кооператора они так и не пришли.

ЛАДНО, В ЭТОМ
СПОРЕ МЫ ОБА

НЕ ПРАВЫ!!

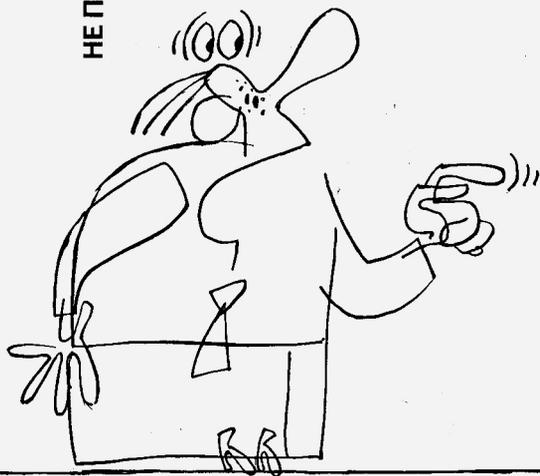
А ЧЁ ЭТО ТЫ ГОВОРИШЬ
ВО МНОЖЕСТВЕННОМ

ЧИСЛЕ?!

НУ ТОГДА, БОРИС, ТЫ

НЕ ПРАВ!!!

Одна вторая

узнать ситуацию на местах, надо заслушать гостей, то есть кооператоров. Но для затравки выступил министр финансов Гостев, который привёл кучу всякой заумной статистики и сказал, что кооператоры слишком много получают, надо и налоги увеличить, и установить им потолок зарплаты.

Затем Рыжков попросил сидевшего у стеночки на приставном стуле академика Леонида Ивановича Абалкина посчитать, сколько можно разрешить кооператору класть в личный карман, определить политически-приемлемый потолок. Ведь сказал же один выступавший товарищ из Киева, что имеет более 2 тысяч в месяц, а союзные министры, тот же Гостев, например, получают по 800 в месяц... Сие наводит на размышления, не выпускаем ли мы джина...

Леонид Иванович пробудился от дрёмы, вынул из кармана блокнотик и стал в нём делать карандашиком какие-то сложные выкладки. Зал замер, ожидая исторических выводов. Минут через пять академик привстал и доложил, что, выходит, до тысячи рублей в месяц при честной работе будет получаться объективно...

— Ну, ты того, Леонид Иванович... — по-отечески улыбнулся Рыжков.

— Но так ведь выходит, — попытлся оправдаться учёный. — Хотя, если учесть специфику, — и карандашик опять застрочил по блокноту, — то в районе 700 будет достаточно.

— Вот это уже более реально, — закивал премьер-министр, — давайте продолжим обмен мнениями!

Я не удержался и полез на трибуну. Сказал, что любое регулирование доходов кооперативов и их работников неприемлемо, потому что погубит дело, не набравшее оборотов. Кроме того, ненормируемый рабочий день и перегрузки от тяжёлого труда и ответственности требуют компенсации, удовлетворения материального интереса.

Вот Борис Иванович Гостев, например, может лично убедиться, что товарищ Абалкин немного не прав. И под хохот государственных мужей я пригласил Б.И. приехать в июле-августе во время отпуска в Чел-

ны и поработать в нашем кафе «Пантограф» поваром. Условия такие. 12-часовой рабочий день. Плита 2х2 метра в помещении 3х3 метра. Жара и невыносимо приятный запах непрерывно пекущихся чебуреков и пирожков, отвариваемыхпельменей и томящихся борщей и рассольников. Короче, при этом всё бегом-бегом и давай-давай... За всё про всё буду платить 2 тыщи в месяц... Так вас ждать, товарищ Гостев?..

Сошёл я с трибуны под бурные и продолжительные аплодисменты. Все долго смеялись. Но к компромиссу по потолку дохода на душу кооператора так и не пришли...

Николай Иванович, сообразуясь с неизвестными мне местными традициями, объявил обеденный перерыв. И уже достигнув входа в банкетный зал, полуобернулся и галантным жестом как бы пригласил толпу совслужащих и кооператоров отведать что бог послал. Увидев неподалёку меня, он тепло улыбнулся, подхватил под локоток и увлёк в банкетный зал.

Аппетитно расправляясь с достижениями комбината им. А. И. Микояна, Николай Иванович сказал, что очень доволен моим выступлением.

— Как там, в глубинке? Кооператоры идут в атаку?

— Да нет, — отвечал я, — кооператоры в глухой оброне.

— А что мешает? — поинтересовался премьер.

Я подумал и сказал, что Жилсоцбанк не понимает, как кредитовать свободного производителя, нужны кооперативные банки...

— Это уже камешек Гостеву, — усмехнулся Рыжков. — Мы же записали в Законе «О кооперации» что-то насчёт кооперативных банков, в чём же дело, где банки?..

— Так ведь команды не было, — с досадой отозвался Гостев.

— Какая тебе команда нужна, ведь есть прямая запись в союзном законе. Вот что, — обратился он ко мне, — а вы можете инициировать создание первого банка?

— Да, мы имеем конкретную проработку, но не знаем, с какого конца заходить.

— Тогда так, Борис Иванович, берите товарища из Челнов под личный контроль, а я себе помечу вопрос. Через недельку приходите в Минфин и решайте вопрос по собственному кооперативному банку.

Когда я в конце июля снова приехал в Москву, чтобы реализовать поручение Н. И. Рыжкова, то к самому министру Б. И. Гостеву меня, естественно, не пустили. Хитрый чиновник передал, что перепоручил новое сложное дело начальнику одного из управлений, а тот отфутболил к своему заму. Так я попал в Минфине в руки Ильи Петровича Китайгородского. Петрович оказался милейшим человеком, способным угробить и спустить на тормозах любое дело, но так, что проситель ещё и благодарить будет.

Он полистал проект устава кооперативного банка «Континент», учреждаемого Автозаводской кооперативной ассоциацией города Набережные Челны, и для разминки отправил меня на Неглинную в Госбанк к любезнейшему заму председателя тов. В. С. Захарову. Через два дня мытарств и дурацких объяснений, чего я всё-таки хочу, мне выписали пропуск, и я встретился с Вячеславом Сергеевичем. Он тоже с любопытством полистал проект устава и отправил меня в юридический отдел Госбанка к его начальнику.

Юридическо-финансовое светило взяло кончиками мраморных пальчиков проект устава, долго листало его, затем полчаса штудировало Закон «О кооперации» и пришло к выводу, что начинать мне надо с Минфина.

— Если будет согласие Минфина, то мы, разумеется, доработаем ваш уставчик и что-нибудь придумаем. Правда, что будет с этим законом через полгода, я вам не гарантирую. Но если вы хотите попрактиковаться в новом деле, так почему бы не побегать с уставом...

Но меня сбить с толку всегда было трудно. Я недолго думая доверительно рассказал юрфину, как месяц назад пил чай с Рыжковым и как тот поручил Гостеву спроворить первый кооперативный банк. Сказал ещё, что в Минфине приняли меня очень тепло.

После этой исповеди начальник юротдела переменялся явно в лучшую сторону. Он позвонил Китайго-

родскому, которого хорошо знал, и тот, видимо, убедил его, что надо что-то делать, ибо просто так замусолить идею начальники не дадут.

Дружба народов

Должен сказать, что за первый год мы выдали несколько десятков кредитов, и все они были заёмщиками честно и в срок возвращены, за двумя исключениями. Один кооператив из Туркмении всё-таки кредит заиграл, а местные правоохранительные органы начихали на наши запросы. Потери составили полторы тысячи рублей. Другой случай произошёл с частником из Еревана. Мы ему без всякого обеспечения, практически под честное слово выдали 850 рублей на один месяц для приобретения в наших краях товаров. Однако через пару месяцев выяснилось, что мой экономист Шапиро, получив от милого армянина две бутылки коньяка «Арарат», скурвился и продлил ему кредит на год, то есть подарил деньги проходимцу, так как вскоре следы заёмщика просто затерялись. Правда, господин Шапиро честно одну бутылку «Арарата» из своего гешефта предложил мне, после чего я, подробно объяснив ему, что он приобрёл коньяк по 425 рублей за бутылку, в то время как в магазине ему красная цена 6 рублей 12 копеек, через пятнадцать минут уволил его.

Мне передавали, что Шапиро очень обижался, считая меня непрактичным жлобом.

Ты бы, доцент, больше времени тёлке уделял

Конец декабря 1992 года. Хочу рассказать детективную эпопею перевозки наличных денег из Москвы.

23 декабря в сопровождении своего верного референта Лены Сухановой поехал в Москву, где по моей договорённости с председателем правления Инкомбанка Владимиром Виноградовым надо было получить в его банке 30 миллионов рублей наличными и сдать их в банк «Деловая Россия» для зачисления на счёт «Континента».

25-го в пятницу с утра за деньгами поехал управляющий нашим московским представительством Сергей Острейко. Предполагалось, что он получит деньги и инкассаторской машиной Инкомбанка отвезёт их в «Деловую Россию».

Днём у меня были назначены переговоры в ресторане «Прага», чтобы разобраться в делах за солидным то ли поздним завтраком, то ли ранним обедом. Переговоры проходили основательно, и мы вышли к бульварному кольцу только в половине третьего. К нам стремительно бежал человек, в котором мы узнали раскрасневшегося Сережу Острейко.

Оказалось, что хотя он и получил в Инкомбанке условленную сумму, но сдать её в «Деловую Россию» не смог, так как те почему-то не захотели брать деньги с упаковкой Инкомбанка. Сергей взволнованно указал нам на стоящую недалеко инкассаторскую машину Инкомбанка, в которой и лежали наши 30 миллионов. Касса Инкомбанка к тому времени была уже закрыта, а инкассаторы злились и требовали выгрузить деньги хоть на улицу, поскольку их рабочий день вскоре заканчивался.

Володя Финогенов позвонил своему другу, работавшему вроде бы в охране Кремля, чтобы тот немедленно приехал к «Праге» на своём «Запорожце». К счастью, друг оказался на месте и обещал нам помочь. У меня немного отлегло от сердца, когда инкассаторская машина и две наши машины поехали на окраину Москвы искать уединённое место, чтобы перегрузить деньги и

расписаться друг у друга в бумагах. Условились, что Володя с Сергеем на «Жигулях» и кремлёвским охранником на «Запоре» перегрузят деньги в наши машины и мы все через два-три часа встретимся на квартире у Володи. Ситуация крайне опасная, но никакого другого выхода мы не придумали.

Потом, как вечером рассказал Володя, произошла первая леденящая душу история. Инкассаторы и наши машины покочесили по Москве и нашли-таки какую-то стройплощадку, где и начали перегружать деньги.

Смеркалось. Работа оказалась не из быстрых, потому что денег была уйма, всю сумму выдали мелкими купюрами — трёшками, пятёрками, десятками... Да и объём немаленький. Дело замедлялось и тем, что инкомбанковцы забирали свои инкассаторские мешки, поэтому наши ребята грузили наличность навалом в салоны своих машин. В разгар действия у выезда из стройплощадки появились две неизвестные легковушки, у которых прохаживались молодые люди кавказской национальности. Наши ребята смекнули, что инкомбанковцы их продали. Хотя у володькиного друга и был при себе табельный «Макаров», незаметно перекинувшись парой фраз, пробиваться решили не с помощью стрельбы, а проворством и хитростью.

Догрузив дензнаки, которые едва поместились в машинах, Володя с другом смело погнали на выход со стройплощадки и, не отвечая на жестикуляцию незнакомцев, рванули по старой Москве, которую оба наши парня знали отлично. На первом же светофоре разбежались по разным переулкам. Две красные «шестёрки» вскоре потеряли их из виду и отстали. Соединившись в условленном месте, осмотрелись и, убедившись, что нет хвоста, поехали к дому Володи, куда вскоре приехали и мы с Леной. Разгрузка денег проходила в полной темноте, и носили мы их не в квартиру Володи, а в квартиру соседки с первого этажа на случай, если ночью пожалуют незваные гости.

Всю ночь мы не спали, до тошноты пересчитывая денежки. Утром Володя первым делом смотался в ближайший продмаг и привёз более 30 коробок из-под сли-

вочного масла. В эти коробки загрузили деньги, перевязав шпагатом. Лена съездила на Казанский вокзал и взяла четыре билета в одно купе на поезд до Казани, который должен был отбыть в два часа дня.

Когда мы с Леной приехали на вокзал, машин с деньгами ещё не было. Через 30 минут подъехал Володя, у которого было 26 коробок с основной суммой (как потом выяснилось, в этих коробках было около 25 миллионов рублей). До отправления поезда оставалось часа два, но мы уже начали нервничать. Позвали двух вокзальных носильщиков с тачками, на которые те и перекидали коробки с дензнаками.

Потом порулили на предперонную площадку примерно напротив первой платформы и, чтобы никому не мешать, расположились табором поближе к стенке вокзала.

Томительно тянулось время, да и замерзли довольно сильно. Очень волновались за «Запорожец», который опаздывал. А тут ещё за час до посадки объявили, что отправление нашего дополнительного казанского экспресса задерживается ориентировочно на два часа.

В это время наша относительная безмятежность в один момент рухнула. Сначала куда-то пропали носильщики, пообещав прийти после объявления посадки. Потом откуда ни возьмись возник молодой пацан, чью социальную принадлежность мы определили мигом. Коренастый, бритоголовый «качок», пальцы растопыркой, уверенный в себе. Его свинцовый взгляд не предвещал ничего хорошего. Мы переглянулись, как овцы, припёртые к стене волком, так как знали, что на московских вокзалах открыто орудуют рэкетеры и просто грабители, которые в сговоре с милицией, и отбирают у пассажиров ценные вещи, деньги, и если что, избивают, а то и убивают. Но одно дело читать об этом в «Московском комсомольце», другое дело, когда проза жизни коснётся тебя лично.

— Что тут у тебя в коробках, муозвон? — лениво, однако почти дружелюбно спросил «хозяин» вокзала и сильно толкнул верхнюю коробку, пытаясь определить, что в ней.

Мы всё сразу поняли. И, как бывает только в минуту страшной опасности, стали, не сговариваясь, очень правдоподобно по какому-то озарению играть соответствующую пьесу, — в нас проснулся глубоко дремавший артистический дар. Началась гениальная импровизация почти по Мейерхольду.

— Да конспекты там, учебники. Аспирант я, — очень натурально и естественно ответил Володя, непринуждённо улыбаясь. — А это вот моя жена, тоже студентка. Мы поженились и переезжаем в Казань к теще.

Молодая жена, она же по совместительству Леночка Суханова, нежно прижалась плечиком к Володьке, подняла к нему свои голубые очи. Ласково попеняла мужу:

— Налей отцу сто грамм, смотри, папа совсем замёрз.

Я выглядел, очевидно, в соответствии с её наблюдениями. Володя нагнулся и достал из одной из наших сумок, стоявших у тележек, термос.

Отвинтил крышку-чашку и налил мне дымящегося кофе, которым снабдила нас в дорогу его первая жена, Татьяна. В принципе, где-то в недрах сумок была и бутылка «Абсолюта», но с ходу её было не достать. Зубы мои стучали о пластмассу то ли от холода, то ли от элементарного страха в связи с непредсказуемостью момента. Пальцецо у пришельца как бы случайно распахнулось, и мы, кто ближе стоял, увидели за брючным ремнем пистолет. Газовый, а может быть и настоящий. Как говорится, следует предполагать худшее.

Коробка, которую довольно бесцеремонно толкнул хозяин вокзала, сильно покачнулась, но удержалась на куче себе подобных. Я с ужасом представил, что началось бы на привокзальной площади, если бы эта коробка, упала, раскрывшись, а дензнаки рассыпались по перрону...

Видно, наши актерские способности оказались недюжинными, сыграли мы свой экспромт недурно. Преступный элемент ослабил и сказал примерно следующее:

— Во, бля, даёте, столько тетрадок хрен знает куда везти. Ты бы, доцент, больше времени тёлке уделял, чтоб не заскучала, а то книжки, сука, загрузил. Тьфу!

Он смачно сплюнул и по-хозяйски, не спеша, отвалил, быстро растворившись в толпе.